Симпатичная, худенькая девушка лет семнадцати, невысокого роста подбежала к Люсе и буквально впечаталась в её огромный живот. С каким-то щенячьим восторгом она прижалась к нему и попыталась объять необъятное, насколько хватало коротких ручонок. Она еле доставала темечком до тяжёлой груди, и Люся шутки ради, слегка наклонилась вперёд. Массивные сиськи упругой мякотью повторили контуры головы и наползли, согревая теплом, на хрупкие плечи радостного создания.

Не́хотя вынырнув из жаркой, податливой ложбины, она, мурлыкая что-то себе под нос, погладила огромный по её меркам живот и, почувствовав шевеления внутри, убедилась, что там действительно находится человек. Топая каблучками, она побежала вокруг Люси, то тут, то там прикасаясь к ней полудетскими ладошками с разведёнными в разные стороны пальчиками. Долго вертелась, как юла, играя с Шурочкой в «прикасалки» и заливисто смеялась, когда та ловила её ладошку изнутри. Люся радовалась создавшемуся вокруг неё веселью и, уже́ не обращая внимания на забавную девушку, с широкой улыбкой на лице, двинулась дальше, отвернувшись от веселушки и выглядывая ещё желающих пощупать живот.

В конце первого ряда Люся заметила протянутые к ней руки и, придерживая Шурочкину попу, то есть свой живот, направилась туда, но тут… произошло то, чего просто никто не ожидал! Хохотушка обогнала потерявшую бдительность Люсю и, пропищав тоненьким восторженным голоском:

– Я хочу к ней! – встала на цыпочки и сунула в её рот свои ладошки.

Люся даже отреагировать не успела, чтобы перехватить эти маленькие юркие ручонки.

Мысли одна за другой поскакали в моём сознании! Откуда взялась эта бесстрашная назойливая пигалица? Она что, не понимает, что это смертельно опасно? Вот дура, просит, чтобы её проглотили… при всех… живьём!

Шурочкины ноги дрогнули от того, что эта полоумная провела пальцами по её подошвам, и они тут же скрылись в горле старшей сестры, которая чуть не поперхнулась от услышанных слов и неожиданных действий. Моё сердце застучало, как отбойный молоток! Я чётко увидел, как Люсины глаза от удивления полезли на лоб, и она еле выдавила из себя слова, потому что Шурочка внутри начала торопливо разворачиваться.

– Ты хто?

– Я Лиза, – пискнула упрямая девушка и, ухватившись за нижнюю челюсть опешившей Люси, как гимнастка на турнике подтянулась к застывшим в удивлении губам.

Карабкаясь острыми коленками, она быстро забралась на огромный для неё живот и, невзирая ни на что, просунула голову в рот. Люся только и успела, что схватить её чуть ниже тонкой талии и, отрывая крепкую хватку рук от своей челюсти, подняла её над своей головой. Пластиковая заколка для волос щёлкнула, развалившись на две части, и мокрая копёшка волос упала, накрыв недовольные лица девушек. Вертлявые ноги, выделывая замысловатые движения в воздухе, искали точку опоры, желая во что-нибудь упереться, и взметнулись так высоко вверх, что чудная бедолага повисла вниз головой прямо над широко раскрытым ртом. Я от страха зажмурился, но подозрительно-хлюпающие звуки через мгновение снова заставили глаза распахнуться. Я просто не верил в происходящее: Шурочка, чтобы увидеть виновницу щекотки, желающую присоединиться к ней, прижала руки вдоль своего тела и, выпрямляя ноги, вылезла изо рта по самые сиськи.

Голова Люси от этих выползновений снова запрокинулась назад, упуская из вида обнаглевшую

девчушку, зато Шурочка столкнулась с ней, как говорится, нос к носу. Глазки пигалицы с размазанной тушью, прикрытые упавшими волосами от растрепавшейся причёски, ничего не видели, зато цепкие ручки, столкнулись с лицом и, перестали беспорядочно махать в разные стороны. В одно мгновение ладошки нащупали приоткрытый в удивлении рот, раскрыли его ещё шире и «надели» на себя по самые плечи. Не знаю, о чём думала в это время Люся, но мне показалось, что она хотела протолкнуть девушку в себя вместе с Шурочкой. Конечно, она не видела всего того, что творилось у неё под носом и, готовая выполнить последнюю «вкусную» просьбу, ещё шире раздвинула челюсти и отпустила худышку в путешествие по пищеводу. Зрительный зал дружно ахнул и загудел, когда настырная девушка на глазах у всех провалилась по пояс.

Шурочкины губы, капая голодной слюной, тут же сомкнулись, и инстинкты, которые она никогда не подавляла, сработали так чётко, что потребовалось всего несколько глотков! С первым и самым мощным исчезла плоская попа, затем колени, и, как апофеоз... туфли добровольной жертвы грохнулись на пол, а голые пальчики ног мелькнули между сомкнувшихся губ, и довольная Шурочка, смачно облизнула их мокрым языком.

Проводив глазами силуэт девушки, зал загудел сильнее, не зная, аплодировать или пугаться, а Шурочка, поняв, что натворила, спряталась обратно в Люсю, чей живот стал ещё больше. Запрокинутая голова вернулась на место и испуганные глаза, направленные в мою сторону, стрельнули растерянно-вопросительным взглядом. Я подпрыгнул, как ужаленный! Руки, будто флажки на финише формулы один, взлетели вверх и замахали, показывая, чтобы она, как можно быстрее бежала ко мне «на пит-стоп».

Виктор с женой, наблюдая за происходящим, чуть не уронили Вику на сцену вниз головой, когда она из желудка матери пыталась перелезть в отца. В последний момент он поймал её за мягкое место, прижав к себе так, что она громко айкнула.

С тяжеленным пузом, вразвалочку, бедная Люся поднялась по скрипевшим громче музыки ступенькам, и юркнула ко мне за кулисы.

Первые попытки вытащить Шурочку с животом, намного большим, чем был в прошлый раз, когда Вика вытаскивала её из Люси, не увенчались успехом. Тогда решили сначала вытащить девушку.

– Лиза, – позвал я её спокойным голосом. – Ты меня слышишь?

– Да, – ответил тихий писк, приглушённый двумя утробами.

– Попробуй просунуть руки в пищевод.

– Нет. Я останусь тут!

– Шурочка, ну-ка высуни голову и открой рот пошире! – не вытерпела недовольная мать.

Она сунула руку в рот своей младшенькой почти по самое плечо, намотала волосы непослушной девчонки на руку и потащила вверх, невзирая на все протесты и рефлексы Шурочки. Лиза, завизжав от боли, ухватилась за руку, что так сильно тянула её вверх и через секунду выскочила, как пробка из бутылки, грохнувшись на пол. Зрелище не для слабонервных, особенно, когда кто-то из кого-то не хочет вылезать.

Артисты снова убежали на сцену к взволнованным зрителям продолжать незаконченные номера, а я потащил зарёванную девушку в душ. Вытряхивая её из мокрого платья, удивился,

что кожа не красная, как у варёного рака, а лишь розовая. Видимо Шурочкин желудочный сок ещё не такой концентрированный, как у остальных.

– Тебе что, жить надоело? – моему возмущению не было предела.

– Да, надоело! Это не жизнь – это каторга! – дрожала Лиза, стоя под холодными струями воды.

– Да ты, похоже, умом тронулась!

– Не твоё дело! – она быстро смыла с себя остатки сока и принялась стирать своё платье.

– Да. Мне нет до тебя никакого дела! Просто ты только что сорвала номер и чуть не погубила моих артистов. Представляешь, что с ними было, если бы ты переварилась в желудке?

– Зачем вы меня вытащили?! – она снова расплакалась, одевая слегка отжатое платье на тело. – Я всё равно сегодня умру! Я не хочу жить!

– Тише, тише, – принялся её успокаивать, прижав к себе и поглаживая по спине. – Пойдём, покажись зрителям. Они сильно за тебя испугались и переживают.

На сцене номер походил к концу. Виктор сидел посреди сцены и гладил свой огромнейший живот, который вместил всё своё семейство. То там, то тут выпирали силуэты рук, ног, лиц и других интересных частей тела. Они специально копошились внутри, доставляя ему удовольствие, ну и естественно, показывали публике, что с ними всё в прядке. Он легонько хлопнул ладонью в нужное место, открыл рот, и одна за другой из него стали появляться любимицы. Сначала Шурочка, потом Вика, Люся и, как огромная вишенка на торте – жена Алла.

Под бурные аплодисменты, они взялись за руки и, отвешивая поклоны, улыбались в свои пять ртов с белоснежными зубами. Пока мы ждали, девушка окончательно успокоилась.

– Иди, возьми Шурочку за руку и тоже поклонись, – я вытолкнул Лизу на сцену и аплодисменты тут же усилились, плавно переходя в дружные овации.

Шурочка, увидав свою «вкусняшку», бросила кланяться и подбежала к ней, тряся своими телесами. Она подхватила своего первенца, побывавшего внутри неё, как лёгкое пёрышко и, посадив себе на плечо, закружилась в своеобразном танце под лёгкую музыку. Зрители повставали со своих мест, крича браво и бис, а у меня появилось желание приобщить бедную девочку к нашему делу. Вот только её стремление покончить с собой в желудке меня сильно напрягало.

О встрече с группой самоубийц вообще не хочу рассказывать. Там и говорить не о чем. Смотреть на такую жуть, когда в агонии жесточайшей боли бьётся человек, из последних сил цепляясь за остатки жизни, вообще не хочется. Единственная причина, по которой я соглашаюсь на подобное преступление – это бесплатный корм для моих друзей. Хотя нет, не единственная. Зная, что раз в неделю они отведают человечины, то не будут втайне от меня пожирать невинных людей, рискуя подставиться и подвести меня под монастырь. Мне хватило одной минуты нахождения рядом с безмозглыми людишками, решившими покончить со своими жизнями в желудках моих подопечных.

Кстати, их пришло больше, чем моих вечно голодных друзей, поэтому «лишних» ещё до начала экзекуции пришлось отправить домой. Лиза, как я и предполагал, была среди них. Она сразу подбежала к Шурочке, обняла и зарылась лицом в её сиськах. Выходя из этой комнаты, чтобы

не видеть, как всё произойдёт, я услышал знакомый тоненький голосок и на несколько секунд задержался в дверях:

– Я хочу к тебе… туда…

Ответ Шурочки меня просто обескуражил:

– Да, конфетка моя! Вкусняшка-Лизяшка, сейчас! Когда окажешься там, выпей весь желудочный сок и полижи своим язычком стенки желудка… Меня ещё никто не лизал изнутри.

– Ладно. Я уже пила его. Он, как чай с лимоном… такой вкусный…

Когда я вернулся, всё уже закончилось. Все сидели на стульях, расслабленно облокотившись на спинки, и отдыхали после вкусного и сытного ужина. Все, кроме Шурочки.

Весёлый озорной смех витал по комнате, нарушая тишину и покой обитателей. Самые молодые резвились словно дети. Лиза торчала во рту Шурочки по пояс лицом к ней и, слегка согнувшись вперёд, держалась худенькими ручонками за её голову. Губы крепко держали её на весу, не давая провалиться глубже, а она безудержно хохотала, извиваясь, как хвост игривого щенка. Видимо Шурочка решила попробовать то, что с ней делали сёстры, держа её широкие округлости во рту.

Повернув голову на шум открывающейся двери, голенькая Лиза испуганно замолчала и, потянув затылок Шурочки на себя, юркнула в её рот, за секунду скрывшись от моих глаз внутри. Силуэт бесёнка промелькнул по горлу, по груди и, живот тут же вспучившись, зашевелился, показывая, что девушка разворачивается. Быстро же она научилась этим трюкам. Я вошёл, захлопнув за собой дверь, и тут же мокрое лицо Лизы выглянуло изнутри, раздвинув губы Шурочки.

– Я смотрю, вы подружились?

– Да, – пискнул счастливый голосок из открытого рта.

– Уже раздумала умирать?

Смех раздирал меня, глядя на это зрелище. Лицо скрылось, и через секунду показались руки, а потом и голова. Маленькая грудь девушки легла на язык, стесняясь показаться моим глазам.

– Шурочка решила не торопиться. Она сказала, что переварит меня, когда я ей надоем.

– Ну, это ваше с ней дело. А пока ты жива, может, примешь участие в следующем выступлении? Думаю, зрители будут рады новой артистке, они же сегодня стоя аплодировали ей.

– Когда?

– Послезавтра. Заработаешь немного денег…

– Деньги? Мне никогда никто не платил денег.

– Вот заработаешь, глядишь жизнь и наладится. Вылезай, обговорим. Можешь меня не стесняться, я уже насмотрелся на все женские прелести, причём не в таких габаритах, как у тебя.

Она шустро вывалилась на Шурочкины коленки, оседлала её бёдра и прижалась спиной к животу.

– Вкусняшка-облизняшка, – мурлыкнула Шурочка, обняла Лизу, прижала её к себе, загородив маленькие грудки своими ручищами, и лизнула в темечко.

– Шура, я смотрю, ты поборола свои инстинкты?

– Это оказывается так просто. Стоит только подумать, что внутри тебя не еда, они перестают срабатывать. И сок тоже от этого не выделяется.

– Рад это слышать. Хочешь выступить вместе с Лизой?

– Да, очень хочу. Она такая вкусная! Никому не дам, даже попробовать. Лизяша, слышишь? Теперь ты моя навсегда! – она снова лизнула её, как сладкий леденец.

На моём лице засияла улыбка. Видать, Шурочка ещё не наигралась в куклы. Да и вряд ли они у неё были. Там в лесу у всех было только одно желание – набить свой ненасытный желудок. А может это раньше времени проснувшийся материнский инстинкт?

– Да, да! Я твоя! – Лиза завертелась, как ребёнок, сидя на коленях любимой мамочки.

Придётся накормить Шурочку. Она единственная, кто не переварил свою жертву. Да и Лизу нужно откармливать, уж слишком она, как бы помягче выразиться, стройная. По сравнению с Шурочкой, так вообще тростник… сахарный.

Лиза повернулась лицом к своей добродушной «хозяйке» и обняла пустой живот. На хрупкие плечи легли массивные груди, а потом перевалились и свесились за худенькую спину. Большие руки прижали к себе стройное тельце, как любимую куклу, с которой хочется играть бесконечно.

http://tl.rulate.ru/book/59263/1521084